ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Е.В. Хахалкина*

НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ? ВИЗИТ Г. МАКМИЛЛАНА В СССР В 1959 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, Томск, пр. Ленина, 36

В течение веков Великобритания, пользуясь преимуществами своего островного положения, стремилась играть роль арбитра в отношениях между прочими великими державами. Вторая мировая война нанесла сокрушительный удар по международным позициям страны, однако политики Британии с трудом свыкались с новым для себя статусом важного, но все же второстепенного игрока в биполярном мире. В этом отношении весьма показательным примером стал визит Г. Макмиллана в СССР в 1959 г., с помощью которого британский премьер-министр надеялся укрепить пошатнувшееся положение Великобритании на мировой арене, попытаться вернуть ей роль если не арбитра, то ключевого посредника, «моста» между «сверхдержавами». В данной статье подробно рассмотрены обстоятельства, предшествовавшие визиту Г. Макмиллана, его ход, ключевые вопросы, обсуждавшиеся британским премьер-министром с советским лидером Н.С. Хрущевым во время нескольких раундов переговоров, их итоги и последствия. Главной целью визита был поиск путей мирного урегулирования очередного обострения международных противоречий вокруг статуса Западного Берлина, которое вошло в историю как Второй Берлинский кризис. Оценивать итоги данного визита целесообразно именно с точки зрения того, насколько удачной оказалась посредническая миссия Г. Макмиллана. В этой связи автор обращает внимание на изначальную слабость переговорной позиции британского премьер-министра, который не смог предварительно заручиться поддержкой США, что в итоге и предопределило весьма скромные результаты его визита в СССР. Г. Макмиллану удалось добиться определенного смягчения позиции Н.С. Хрущева, был заключен ряд взаимовыгодных торговых соглашений, что способствовало укреплению позиций британских консерваторов внутри страны накануне очередных

* *Хахалкина Елена Владимировна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (e-mail: ekhakhalkina@mail.ru).

парламентских выборов. Однако главная цель визита достигнута не была: Г. Макмиллан не смог закрепить за Великобританией роль посредника во взаимоотношениях сверхдержав. Руководство США недвусмысленно дало понять, что Великобритания является для него пусть и важным, но только «младшим» партнером.

Ключевые слова: Великобритания, СССР, Г. Макмиллан, Н.С. Хрущев, германский вопрос, Второй Берлинский кризис, ультиматум Н.С. Хрущева, доктрина взаимозависимости, «великий проект», советско-британские отношения.

Официальные визиты глав западных государств в СССР и, наоборот, советских лидеров за рубеж не были частым явлением в межвоенный период и в эру «холодной войны», особенно на ее начальном этапе. Первым визитом главы Великобритании в Советский Союз после 1945 г. стала поездка Г. Макмиллана, состоявшаяся во время обострения вопроса о статусе Западного Берлина, когда советский лидер Н.С. Хрущев выдвинул ультиматум западным странам, угрожая блокадой западных секторов германской столицы. Британский премьер воспринял очередной кризис вокруг Берлина как шанс укрепить свои позиции накануне парламентских выборов и упрочить несколько пошатнувшийся к тому моменту статус Великобритании на мировой арене. Вопрос о том, удалось ли Г. Макмиллану использовать этот шанс, до сих пор вызывает дискуссии среди ученых.

О визите Г. Макмиллана в СССР — первом в послевоенной истории советско-британских отношений — написано не так много работ. Это прежде всего биографии или исследования, посвященные премьер-министру, авторы которых в основном опираются на мемуары и дневники самого Г. Макмиллана. Британский лидер оставил шесть томов воспоминаний, в двух из которых он обращается к этой поездке и ее итогам. Н.С. Хрущев, находившийся у власти в СССР в то время, в своих мемуарах вообще обошел вниманием визит британской делегации в Москву. В последние годы в зарубежной историографии произошел всплеск публикаций о периоде премьерства Г. Макмиллана, связанный с открытием архивов. Однако в этих работах при освещении визита присутствуют прежние негативные оценки советской политики и лично Н.С. Хрущева [Gerald Hughes, 2007; Williams, 2009; Newman, 2007]. В исследованиях зарубежных авторов позиция советского руководителя выглядит несколько статично (что, вероятно, объясняется слабым использованием новых российских публикаций и мемуарных свидетельств) на фоне позиций его западных коллег. В российской же историографии приезд британского лидера в Москву упоминался

в основном в контексте попыток Г. Макмиллана выступить с посреднической миссией в разрешении Второго Берлинского кризиса [Липкин, 2002; Липкин, 2009: 35–39; Липкин, 2011: 218–220; Громыко, 2006; Капитонова, Романова, 2016: 518–519]. Отдельные публикации, раскрывающие детали и итоги визита Г. Макмиллана в Москву, отсутствуют.

В данной статье на основе использования правительственных документов, новых мемуарных свидетельств и с учетом последних публикаций дана оценка визиту Г. Макмиллана в контексте его попыток выступить в роли посредника в урегулировании Второго Берлинского кризиса и сближении позиций СССР и США. Эти усилия британского лидера рассматриваются в статье как составная часть его «европейской стратегии», в центре которой оказались обострившиеся в конце 1950-х годов проблемы европейской безопасности. При этом расчеты Г. Макмиллана строились на предположении, что миротворческая роль Великобритании укрепит отношения с заокеанским союзником, которые Лондон после Суэцкого кризиса 1956 г. все меньше трактовал как «особые», стремясь отойти от роли «младшего партнера» и стать равным с Вашингтоном в рамках доктрины взаимозависимости. Именно эти задачи оказались центральными в ходе визита, по сути, вытеснив из приоритетных вопросы развития и укрепления непосредственно англо-советских отношений.

* * *

Поездка британского премьер-министра в СССР в 1959 г. потенциально имела большое значение не только в плане развития англо-советских отношений, но прежде всего для разрешения накопившихся проблем в сфере европейской безопасности. Еще в апреле 1956 г. советские лидеры Н.А. Булганин и Н.С. Хрущев совершили десятидневную поездку в Соединенное Королевство. Однако достигнутые в ходе визита договоренности имели ограниченный характер. Советская дипломатия не смогла добиться расширения торговых связей и отменить действовавшие в отношении СССР санкции НАТО, равно как не удалось заключить новый англо-советский договор взамен договора 1942 г. [Капитонова, 2010].

В конце поездки советское руководство направило ответное приглашение британскому правительству без указания конкретной даты. Э. Иден сначала сомневался в целесообразности такого визита, затем, все же посчитав его полезным, стал выбирать между осенью 1956 г. и весной 1957 г. Наиболее предпочтительным вре-

менем премьер-министр счел второй вариант, уведомив советскую сторону о намерении приехать в мае 1957 г.[1]

События Суэцкого кризиса 1956 г. помешали этому визиту. Э. Иден в результате провала тройственной интервенции был вынужден подать в отставку. Премьер-министром стал Г. Макмиллан, занимавший пост министра финансов в прежнем правительстве.

Новый глава кабинета относился к числу так называемых прогрессивно настроенных тори и еще до войны предложил ряд идей в русле обновления программных установок партии. Во внешней политике Г. Макмиллан был известен своей проевропейской позицией, однако радикально менять внешнеполитический курс Великобритании он не спешил. Премьер-министр наиболее приоритетными внешнеполитическими задачами считал восстановление англо-американских отношений, поколебленных суэцкими событиями, максимально безболезненную трансформацию Британской империи в Содружество и укрепление позиций Великобритании в Европе. По сути, концептуальная основа внешней политики страны, базировавшаяся на высказанной У. Черчиллем в конце 1940-х годов идее о «трех сферах (окружностях)», осталась прежней. В период шестилетнего премьерства Г. Макмиллана стала меняться только степень приоритетности магистральных направлений.

Во все три сферы правительство тори пыталось вдохнуть новую жизнь. В октябре 1957 г. была провозглашена доктрина взаимозависимости. Тезис о взаимозависимости британский лидер озвучил в октябре 1957 г. на Бермудской встрече с президентом США Д. Эйзенхауэром, призванной укрепить пошатнувшиеся англо-американские отношения после провала Суэцкой операции 1956 г. В совместной Декларации об общих целях стороны акцентировали внимание на «взаимосвязанности» стран свободного мира, прогресс и безопасность которых зависят от объединения ресурсов и совместного разрешения возникающих перед ними задач [Капитонова, Романова, 2016: 489].

Практическое воплощение концепции сводилось к тому, что Соединенные Штаты будут продолжать поддерживать НАТО и обеспечивать Великобританию ракетами, способными нести ядерные боезаряды. В политическом плане Г. Макмиллан рассчитывал на равенство в партнерстве с заокеанским союзником, однако этого не случилось ни при Д. Эйзенхауэре, ни при его преемниках. И на деле эта концепция, по ироничному замечанию известного бри-

[1] The National Archives of the United Kingdom. Cabinet Papers (CAB). CAB 128-30 C.M. 31(56). 31st Conclusions. 7 June 1956. Soviet Union. Visit of Soviet Leaders to the United Kingdom. P. 7; CAB 128-30 C.M. (56). 40th Conclusions. 7 June 1956. Soviet Union. Prime Minister's Visit. P. 3. Available at: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-30.pdf (accessed: 11.01.2016).

танского историка Н. Эштона, представляла собой доктрину «зависимости» Лондона от Вашингтона [Ashton, 2002: 131–132; Turner, 1994: 126–127; Румянцев, 2015: 292–293, 368].

Во второй сфере — колониальных делах — Лондон столкнулся с ускорением темпов деколонизации и необходимостью решать задачи по «своевременному» освобождению колоний.

На этом фоне наибольшее внимание Г. Макмиллана привлекала третья сфера — участие в европейских делах. В январе 1957 г. премьер-министр вынес на обсуждение в кабинете «великий проект», который должен был дополнить доктрину взаимозависимости. План с таким ярким, амбициозным названием предполагал установление политического и экономического союза западноевропейских стран под эгидой Великобритании в противовес планируемому созданию Общего рынка в составе шести государств — Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга[2].

Первая реакция европейских стран на инициативы Лондона носила благожелательный характер. Уже в начале февраля на заседании Совета Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) было принято решение о проведении официальных переговоров по созданию зоны свободной торговли (ЗСТ). С февраля 1957 г. на базе существовавшей с 1948 г. ОЕЭС состоялась серия переговоров по реализации британской инициативы [Маклейн, 1972: 122–124; Хахалкина, 2005; Milward, 2002: 261–295; Tratt, 1996: 17–22]. Однако полтора года спустя, в ноябре 1958 г., обсуждения были прерваны французской стороной в лице вернувшегося к власти генерала Ш. де Голля, не заинтересованного в том, чтобы Лондон возглавил европейский интеграционный процесс.

Великобритания же связывала большие надежды с реализацией идеи о ЗСТ, рассчитывая посредством этого проекта укрепить отношения с Вашингтоном, стать лидером интеграционного движения в Западноевропейском регионе (проект в перспективе предусматривал включение в ЗСТ восточноевропейских государств) и улучшить экономическое положение страны.

Шанс решить эти задачи уже в другом формате — но при активной роли Великобритании — появился в связи с очередным обострением отношений западных стран и СССР по германскому вопросу. Дело в том, что к тому моменту по-прежнему оставалась неурегулированной проблема статуса Западного Берлина. Составными элементами этой проблемы для советского руководства стали планы США разместить в Западной Германии ядерное оружие в рамках

[2] British Documents on the End of Empire. 1957–1964. Series A. Vol. 3. Part 1. L., 1994. P. 102–108. ‘The Grand Design’ (cooperation with Western Europe): Cabinet memorandum by Mr. Selwin Lloyd.

НАТО и бегство населения из ГДР на Запад. В декабре 1957 г. Совет НАТО поддержал идею о размещении в ФРГ ядерных ракет средней дальности, а в марте 1958 г. бундестаг ФРГ при одобрении западных оккупационных держав принял закон о снабжении бундесвера ядерными носителями, которые в случае ядерного конфликта должны были быть оснащены боеголовками с американских складов [Веттиг, 2007: 13]. Серьезной проблемой оставалась и эмиграция населения, в том числе высококвалифицированных кадров, в Западную Германию через Западный Берлин. Примерно 150 тыс. восточных берлинцев и других жителей ГДР приезжали ежедневно в западные сектора работать, за покупками, в гости [Gibson, 1970: 126–128].

Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, ставший с конца марта 1958 г. единоличным руководителем страны после отставки Н.А. Булганина с должности председателя Совета министров СССР, считал, что этот «вклинившийся форпост противника» делает территорию ГДР уязвимой для проникновения западного влияния. Н.С. Хрущев высказывался за предоставление западной части Берлина статуса «вольного города», но глава ГДР В. Ульбрихт с большим сомнением относился к такой идее, ссылаясь на печальный опыт Данцига в межвоенный период[3].

Несколько месяцев спустя, 27 ноября 1958 г., Н.С. Хрущев в нотах западным державам и обоим германским государствам поставил вопрос о ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине. Советский лидер публично обвинил партнеров в нарушении Потсдамских договоренностей и использовании бывшей германской столицы в подрывных целях [Фурсенко, 2006: 231]. Н.С. Хрущев предлагал превратить западную часть города в самостоятельную политическую единицу, в жизнь которой не будет вмешиваться ни одно государство. Статус «вольного города» предполагал недопущение на данной территории никакой враждебной деятельности, направленной против ГДР или других стран. Международный статус Западного Берлина должны были признать четыре оккупационные державы, ГДР и ФРГ. Советская сторона также допускала, что в гарантиях существования «вольного города» могла принимать участие ООН[4]. В случае отклонения этих предложений Н.С. Хрущев угрожал заключить сепаратный мирный договор с ГДР в течение шести месяцев. Приведение этих угроз в действие могло спровоцировать новую блокаду Западного Берлина и военное столкновение СССР и западных стран.

---

[3] Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы. Книга об отце. М., 2005. С. 271.

[4] Сергеев Р.А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. 1948–1991. М., 2007. С. 95.

При этом Н.С. Хрущев поначалу был уверен, несмотря на доводы дипломатов, что его ультимативные требования к серьезным последствиям не приведут. Советский дипломат В.М. Фалин, в то время работавший в МИД СССР, вспоминал заверения главы государства в том, что «руководители США не такие идиоты, чтобы ставить себя под удар из-за Западного Берлина. Если бы мы даже силой выпроводили их из города, войны американцы не развязали бы»[5]. Однако необдуманные заявления советского лидера все-таки привели к началу Второго Берлинского кризиса.

Реакция на ультиматум Н.С. Хрущева в западных странах была бурной. В ходе обсуждения возникшей ситуации выявились разные точки зрения на урегулирование данного кризиса в Великобритании и Франции, с одной стороны, и США — с другой [Smyser, 2009: 17–18]. Британское видение сводилось к тому, что «ультиматум Хрущева — это, конечно, балансирование на грани войны», но Запад «должен стоять твердо. Твердость означает, что все наши союзники по НАТО должны пристально следить за развитием ситуации и не допускать, чтобы советские действия сеяли семена недоверия внутри Западного союза. Мы не должны создавать впечатление в общественном мнении наших стран о том, что это мы, а не русские, спровоцировали проблему: первый выстрел должны сделать русские»[6].

Лондон, таким образом, отдавал приоритет «наблюдению» за ситуацией и поискам дипломатического урегулирования. Вашингтон же считал важным «продемонстрировать нашу готовность бороться до последнего, чтобы поддержать наш беспрепятственный доступ в Берлин по наземным коммуникациям»[7]. Ощущение нависшей угрозы разнилось в европейских странах и за океаном.

В декабре 1958 г. специальная сессия НАТО, рассмотрев сложившуюся вокруг статуса Берлина ситуацию, сформировала рабочую группу, которая в январе 1959 г. предложила созвать совещание глав внешнеполитических ведомств СССР, США, Великобритании и Франции для обсуждения германского и западноберлинского вопросов [Пилько, 2012: 85].

10 января 1959 г. СССР направил правительствам США, Великобритании, Франции и другим странам, принимавшим участие в войне против Германии, а также ФРГ и ГДР ноты, в которых конкретизировал свои предложения по урегулированию германского

---

[5] Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. М., 1999. С. 79.

[6] Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960. Vol. VIII. Berlin Crisis, 1958–1959. Wash., 1993. P. 225–226. Document 119. Memorandum of Conversation. Washington, January 2, 1959.

[7] Ibid. P. 228.

вопроса, и прилагал проект мирного договора. План предусматривал вывод в короткий срок после заключения мирного договора всех оккупационных войск и неучастие объединенной Германии в военно-политических блоках [Долгилевич, 2011: 39].

Дискуссионным остается в историографии вопрос о том, какие же цели реально преследовал ультиматум Н.С. Хрущева. Известный российский германист А.М. Филитов выдвинул версию о том, что «Хрущев с самого начала кризиса планировал именно закрытие границы в Берлине, и ничего более, что и сам кризис был им развязан именно с этой главной целью, малопочтенной с точки зрения морали, но вполне соответствующей менталитету политика, для которого “закрытое общество” было воплощением “нормальности”, а свобода перемещения через границу “двух систем” — опасной аномалией» [Филитов, 2009: 267].

Затевая опасную, но плохо продуманную дипломатическую игру, Н.С. Хрущев, вероятно, рассчитывал переложить ответственность за закрытие границы на западные страны. Вряд ли он всерьез допускал, что все его требования будут приняты Западом, следовательно, их отказ от выполнения его «ультиматума» не оставлял бы Москве другого выхода, кроме как прервать контакты между Западным Берлином и ГДР.

Такие замыслы у советского лидера, вероятно, выкристаллизовались не сразу. По воспоминаниям сына Н.С. Хрущева С. Хрущева, его отец сам стал искать диалога с Западом, вероятно, осознав, как далеко может зайти развитие сложившейся кризисной ситуации. Еще в январе 1959 г. состоялся визит его заместителя А.И. Микояна в США. Визит был обставлен как поездка частного лица, но в реальности по своим каналам первый заместитель Н.С. Хрущева стремился на встречах с президентом, госсекретарем и другими политиками уверить их в желании СССР решать германскую проблему и берлинский вопрос дипломатическими средствами[8]. Однако эти попытки не имели успеха [Таубман, 2005: 446].

Согласно материалам Архива внешней политики СССР 14 января 1959 г. британский посол П. Райли на встрече со своим советским коллегой в Лондоне Я.А. Маликом заявил ему о том, что «внимательно следит по печати за пребыванием А.И. Микояна в США», и высказал идею о том, что «было бы целесообразно, если бы А.И. Микоян на обратном пути из США в СССР остался хотя бы на 2–3 дня в Лондоне»[9]. Далее П. Райли отметил, что «поездка в Лондон А.И. Микояна и его пребывание там были бы положительно восприняты в Англии и могли бы стать хорошим началом

[8] Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 274–275.
[9] АВП РФ. Ф. 69. Оп. 51. П. 18. Д. 158. Л. 8.

того, к чему он, Райли, постоянно стремится, то есть к обмену мнениями между руководящими деятелями наших стран на высшем уровне»[10]. Интересно, что П. Райли это предложение назвал «своей личной инициативой»[11], что вряд ли соответствовало действительности. Судя по всему, Г. Макмиллан продумывал возможные варианты того, каким образом можно выступить посредником в налаживании диалога между СССР и США.

Я.А. Малик ответил послу, что времени крайне мало, и встреча в Лондоне не состоялась.

* * *

27 мая 1959 г. истекал срок действия ультиматума Н.С. Хрущева.

До окончания этого периода британское правительство решило выступить в роли посредника в деле урегулирования конфликта, рассчитывая в очередной раз сыграть традиционную для страны роль арбитра. Если верить британскому исследователю Р. Торпу, именно тогдашний министр иностранных дел Великобритании С. Ллойд подал премьер-министру идею воспользоваться отложенной возможностью ответного визита и постараться «извлечь из него максимальные выгоды» [Thorpe, 2010: 425].

В январе 1959 г. британское правительство напомнило Москве о сделанном три года назад приглашении, и несколько дней Г. Макмиллан с тревогой ждал ответа советского руководства. В начале февраля последовал положительный ответ вместе с предварительной программой визита. Стороны начали этап согласования деталей поездки.

Британский посол в Москве П. Райли при обсуждении программы визита сообщил, что «Макмиллан видит основную задачу поездки в переговорах. Он, Макмиллан, хотел бы иметь как можно больше встреч, официальных и неофициальных, с руководящими деятелями Советского Союза в Москве»[12]. Такое пожелание было положительно встречено в Москве, и заместитель министра иностранных дел В.В. Кузнецов ответил, что «в программе предусмотрено несколько таких встреч. Кроме того, как посол понимает, беседы могут проходить также и во время обедов и других мероприятий»[13]. Британский посол согласился с этим «и добавил, что неофициальные беседы при соответствующих условиях могут дать больше, чем официальные»[14]. Также посол среди вопросов, кото-

[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Там же. П. 158. Д. 16. Л. 3.
[13] Там же. Л. 4.
[14] Там же.

рые бы Г. Макмиллан хотел обсудить в Москве, назвал «германскую проблему, разоружение, вопросы прекращения испытаний ядерного оружия»[15].

Сложным вопросом, в том числе по техническим причинам, для Москвы стала просьба Лондона допустить в СССР английских и иностранных журналистов — 30–40 английских и 20 из других стран. С целью убедить в необходимости такого количества иностранных корреспондентов советскому правительству от имени британского правительства даже была отправлена Памятная записка. Советская сторона, сократив общую численность журналистов, разрешила их въезд. К середине февраля все формальности были урегулированы[16].

Накануне этой встречи разные политики внутри страны и за рубежом предупреждали Г. Макмиллана о непредсказуемом характере Н.С. Хрущева. П. Райли, британский посол в Москве, первоначально со скепсисом воспринял идею премьер-министра. По его мнению, основная цель Г. Макмиллана заключалась в привлечении внимания населения внутри страны и мировой общественности к Великобритании и Консервативной партии накануне парламентских выборов. Посол предупреждал главу кабинета об импульсивности и непредсказуемости советского лидера, заявив, что «самая опасная черта Хрущева — мания величия» [Horne, 1989: 117].

Д. Эйзенхауэр и Дж.Ф. Даллес также без энтузиазма восприняли идею Г. Макмиллана о визите в Москву. Дж. Даллес считал, что премьер-министр стремится увеличить шансы своей партии на победу в парламентских выборах, назначенных на октябрь 1959 г.: «Макмиллан хочет выглядеть героем, который нашел выход из берлинской дилеммы» [Horne, 1989: 118]. Республиканская администрация ясно дала понять премьер-министру, что Великобритания может вести обсуждение с Н.С. Хрущевым только от своего имени.

Предположения о желании Г. Макмиллана увеличить шансы консерваторов на победу в случае достижения договоренностей по германскому вопросу, безусловно, соответствовали действительности. При этом реакция США на британскую инициативу свидетельствовала о том, что они занимали неуступчивую позицию по берлинской проблеме, сближаясь в этой непреклонности с СССР. Г. Макмиллан рассчитывал примирить позиции Москвы и Вашингтона и укрепить тем самым англо-американские отношения, апробировав доктрину взаимозависимости. На этом фоне задачи непо-

---

[15] Там же.

[16] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 3. Постановления. 1959–1964 гг. / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2008. С. 11–13. Протокол № 204 от 11 февраля.

средственного улучшения англо-советских отношений отходили на второй план.

21 февраля 1959 г. Г. Макмиллан в сопровождении членов делегации, включая министра иностранных дел С. Ллойда, секретаря кабинета Н. Брука, постоянного заместителя главы Форин-офис П. Дина и других дипломатов, прибыл в Москву. Премьер-министр уже был в Советском Союзе в 1933 г. в качестве туриста, однако имевшийся опыт не избавил его от курьезной ситуации. По воспоминаниям британского лейбористского политика и журналиста Э. Хьюза, после прибытия самолета на Внуковский аэродром, «дверца (самолета) открылась, и на площадку трапа вышел странно одетый человек в высокой белой шапке, которая больше походила на гусарский кивер, чем на обычную меховую шапку, которую носят русские. Неужели это Макмиллан? При виде этой шапки присутствовавшие от изумления открыли рты <...>. Он выглядел более русским, чем сами русские» [Хьюз, 1959: 43].

В соответствии с протоколом прибывших приветствовали председатель Совета министров СССР Н.С. Хрущев, его заместители А.И. Микоян и Ф.Р. Козлов, министр иностранных дел А.А. Громыко, посол в Великобритании Я.А. Малик и другие официальные лица. В приветственной речи Г. Макмиллан так озвучил цели своей поездки: «Во-первых, мы с министром иностранных дел хотим нанести ответный визит вежливости <...>. Во-вторых, мы хотим увидеть народ Советского Союза, промышленность, сельское хозяйство <...>. В-третьих, мы хотели бы, чтобы наш визит внес вклад в дело более широкого ознакомления Советского Союза с сегодняшней жизнью в Англии и с той позицией, которую наша страна занимает в важнейших международных проблемах <...>. Я не приехал к вам вести официальные переговоры по определенным вопросам. Однако я надеюсь, что в ходе наших переговоров мы достигнем лучшего понимания наших точек зрения»[17].

Накануне поездки, 19 февраля, британский лидер на заседании кабинета обозначил основную цель своего посещения СССР как «рекогносцировку», а не «переговоры в целях заключения каких-либо соглашений с советским правительством»[18]. Г. Макмиллан предполагал обсудить германский вопрос и проблемы европейской безопасности, оценить взгляды и намерения советских лидеров, при этом «твердо придерживаясь позиции, которую западные

[17] Правда. 1959. 22 февр.

[18] CAB 128-33. C.C. (59). 11th Conclusions. Prime-Minister's Visit to Moscow. 19 February 1959. Available at: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-33.pdf (accessed: 15.01.2016).

страны уже озвучили»[19]. Кроме того, премьер-министр собирался затронуть проблемы разоружения и расширения британо-советской торговли [White, 1992: 61–62].

Десятидневный визит оказался насыщенным и напряженным для обеих сторон. Гостей поселили на правительственной даче в подмосковном «Семеновском», известном как «Дальняя дача» В.И. Сталина. Это живописное место было создано на территории английского парка имения «Отрадное», когда-то принадлежавшего фавориту Екатерины II графу Орлову-Давыдову.

Риторика премьер-министра в ходе первых встреч с советскими лидерами вполне соответствовала его задачам по созданию условий для разрядки международной напряженности. Уже на следующий день после прибытия Г. Макмиллан заявил, что «несмотря на существующие трудности, стороны могут постараться найти точки взаимодействия во имя сохранения мира»[20]. Подобными настроениями в первые дни визита отличались и выступления Н.С. Хрущева. На обеде в Кремле в честь прибывших гостей 22 февраля он отметил, что прошедшие с 1956 г. три года не были периодом «безоблачных отношений между нашими странами. Облака были, и даже грозовые. Если можно так выразиться, наши отношения были с заморозками. Этому во многом способствовал общий холодный климат в международных отношениях. Сейчас многие говорят об “оттепели”, приметы которой видны в оживлении контактов и в стремлении к переговорам. Мы рассматриваем и Ваш приезд как результат этой “оттепели”, и сегодня при Вашем приезде в природе действительно была оттепель»[21].

Ключевым пунктом официальной части визита стало обсуждение германского вопроса. Как вспоминал Г. Макмиллан, Н.С. Хрущев на первой встрече «со всей серьезностью повторил все свои аргументы по германскому вопросу», и британский премьер-министр даже подумал, что вряд ли удастся добиться заметных успехов в переговорах[22].

Г. Макмиллан заранее подготовил предложения по Германии. Он обрисовал своему советскому коллеге три возможных сценария разрешения данной проблемы. Первый вариант предполагал объединение страны со столицей в Берлине, второй, по сути, был направлен на сохранение статус-кво: обе стороны соглашаются с уже существующим разделением Германии и разделом Берлина

[19] The Economist. 1959. February 21.
[20] Правда. 1959. 23 февр.
[21] Там же.
[22] Macmillan H. Riding the storm. 1956–1959. L., 1971. P. 598–599.

на западную и восточную части. Третий проект был связан с высказанным ранее пожеланием Н.С. Хрущева: как временное решение, полагал Г. Макмиллан, можно установить свободный статус, но в отношении всего Берлина, иначе «что логичного в предложении статуса вольного города только для Западного Берлина?»[23]. Вряд ли Н.С. Хрущев мог дать ответ на этот вопрос. Статус «вольного города» не мог решить германский вопрос кардинально, пойти же на заключение мирного договора на советских условиях западные страны явно не могли, исходя из четких идеологических установок: они стремились добиться уступок от оппонента, не уступая сами. Обсуждение германской проблемы на этом этапе завершилось безрезультатно.

На следующий день, 23 февраля, Н.С. Хрущев заявил, что хотел бы добавить «одну вещь» к состоявшейся накануне дискуссии по германскому вопросу. Проект мирного договора, который советское правительство направило западным странам, подчеркнул он, составлен на основе Потсдамских соглашений, но отдельные его положения можно обсуждать. Например, ФРГ и ГДР на какое-то время могут остаться в составе военно-политических блоков. Такие предложения уже свидетельствовали о некотором смягчении советской позиции.

Другим важнейшим блоком международных проблем оставались сокращение обычных вооружений и запрещение ядерных испытаний. По воспоминаниям Г. Макмиллана, вечером 23 февраля переговоры были полностью посвящены этим вопросам. Н.С. Хрущев поддержал идею подписать соглашение о запрете ядерных испытаний и выразил готовность обсуждать разные варианты такого документа. С. Ллойд предположил, что сначала следует достичь договоренности о запрещении ядерных испытаний, затем установить контроль над расщепляющимися материалами для производства атомного оружия или определить зоны, в которых каждый сможет контролировать пределы вооружений всех видов[24]. При этом согласие советского руководства идти на уступки в вопросах разоружения мало что значило без участия США, и это понимали обе стороны. Г. Макмиллан рассматривал эти обсуждения как «пробный шар»: ему хотелось понять, насколько Н.С. Хрущев гибок в других — не связанных напрямую с берлинской проблемой — вопросах.

Советская программа визита предусматривала не только «официальную» часть, но и большую «культурную» программу. Британская делегация посетила МГУ имени М.В. Ломоносова, Объеди-

[23] Ibid. P. 599.
[24] Ibid. P. 599–600.

ненный институт ядерных исследований в Дубне, Большой театр, фабрики и совхозы, побывала в Киеве и Ленинграде.

Неслучайно первым впечатлением от поездки у Г. Макмиллана было то, что «все время было занято». График визита оказался довольно плотным и насыщенным. Другое, «более банальное», впечатление касалось огромного потребления еды и напитков: «Еда (кроме икры, копченого лосося и обычных закусок перед ужином) не очень хорошая. Напитки (кроме водки) невысокого качества, за исключением хорошего белого вина с Кавказа. Советский бренди и вовсе просто яд»[25].

Как вспоминал сын Н.С. Хрущева, в один из дней в начале визита британского премьера его отец «завез Макмиллана на подмосковный конный завод. Там им приготовили истинно русское, эдакое лубочное катание на тройках, запряженных в сани. Отцу и самому оно было в новинку <...>. От развлечения он пришел в восторг, гость лишь сдержанно поблагодарил»[26]. Интересно, что Г. Макмиллан упоминает это событие и другие «забавы» вроде катания на санках с ледяной горы в мемуарах, но не более как составную часть визита. Все это действительно не произвело на него большого впечатления, хотя, по его словам, эксперты и говорили ему, что «знакомство гостей с такими исконно русскими увеселениями свидетельствовало о проявлении близости»[27].

В реальности такой близости не случилось. Ментальные и исторические различия двух стран, помноженные на укоренившиеся стереотипы, накладывали отпечаток на взаимные отношения. Обе стороны не доверяли друг другу. П. Райли предупредил Г. Макмиллана о том, что «у Советов самые изощренные способы прослушивания», и премьер-министр все время своего пребывания в СССР не вел дневник, страдая от невозможности «посплетничать по вечерам с Селвином [Ллойдом. — *Е.Х.*]» [Horne, 1989: 124].

В телеграммах в Лондон Г. Макмиллан отмечал, что на первоначальном этапе переговоров советский лидер был настроен на диалог, однако обсуждение германского вопроса 25 и 26 февраля проходило уже «в прохладной атмосфере»[28].

Накануне, 24 февраля, Н.С. Хрущев выступил с обстоятельной речью на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы. В этом выступлении первый секретарь ЦК КПСС

---

[25] Ibid. P. 633.

[26] Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 275.

[27] Macmillan H. Op. cit. P. 597–598.

[28] CAB 128-33. C.C. (59). 13th Conclusions. Prime-Minister's Visit to Moscow. 27 February 1959. P. 4. Available at: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-30.pdf (accessed: 17.01.2016).

обрисовал свое видение решения германского вопроса и других международных проблем, призвал западных партнеров к «мирному сосуществованию стран с разными социальными системами» и озвучил практические шаги для «смягчения международной напряженности». Среди них — предложение о встрече в верхах для решения германского вопроса. При этом Н.С. Хрущев охарактеризовал циркулировавшую в дипломатических кругах Запада идею о созыве совещания министров иностранных дел как неприемлемую. По его мнению, встреча глав внешнеполитических ведомств приведет не к ослаблению, а к «усилению напряженности»: «...министры начнут ворошить все, что было в прошлом». Наиболее же подходящим вариантом для всех сторон советский лидер считал только встречу в верхах.

В германском вопросе Н.С. Хрущев озвучил свою прежнюю идею: «...с подписанием мирного договора все обязательства в отношении оккупации Германии — как наши, так и наших союзников — потеряют силу. Следовательно, не может быть и речи о каком-либо нарушении четырехсторонних соглашений о Германии, о каком-то отстаивании Западом своих интересов и выполнении функций “по защите” Западного Берлина, вытекающих из этих соглашений»[29].

Затронув визит британской делегации в СССР, Н.С. Хрущев предложил Лондону заключить договор о дружбе и ненападении на 20 или 50 лет взамен договора 1942 г. и расширить торговые и культурные контакты между двумя странами. Эта идея привлекла широкое внимание прессы в азиатских и европейских государствах, а также в США. Британская делегация восприняла предложение о подписании «невоенного пакта» между СССР и Соединенным Королевством как «совершенно неожиданное». Г. Макмиллан расценил эту идею как стремление Н.С. Хрущева отколоть Великобританию от своих союзников, «как опасались и предсказывали министры и дипломаты в Вашингтоне и Бонне» [Horne, 1989: 124].

Еще 23 февраля Г. Макмиллан отправил письмо Д. Эйзенхауэру: «...я здесь всего 48 часов, но многое уже стало очевидно. Несмотря на свою значительную новую мощь и богатство, русские все еще зациклены на чувстве незащищенности <...>. В какой бы ситуации Хрущев ни упоминал немцев, он, очевидно, ощущает ненависть и недоверие»[30].

---

[29] Правда. 1959. 25 февр.

[30] FRUS. 1958–1960. Vol. VIII. Berlin Crisis, 1958–1959. Wash., 1993. Document 183. Message from Prime-Minister Macmillan to President Eisenhower. Moscow, February 23, 1959. P. 385.

Эта начальная часть письма, объясняющая неуступчивую позицию советского лидера, вызывает некоторое недоумение. Вряд ли подход СССР к решению германского вопроса можно было объяснить личной ненавистью Н.С. Хрущева к Германии. Тем не менее некоторые современные западные авторы продолжают именно в таком ключе трактовать этот отрывок письма, подчеркивая страх и недоверие к Германии, сформировавшиеся у России/СССР в ходе десятилетий двусторонних отношений. Как отмечает британский автор Р. Джеральд Хьюз, «широко распространенное мнение в тот период о психологическом барьере между Германией и СССР, непроницаемом для двусторонней дипломатии, привело Макмиллана к выводу о том, что он может выступить брокером в деле разрядки» [Gerald Hughes, 2007: 59; Aldous, 1996]. При этом психологический барьер прослеживался и в отношениях между Г. Макмилланом и К. Аденауэром: «Макмиллан, как и многие из его поколения, не мог окончательно преодолеть свое недоверие и неприятие немцев или кого-либо, кто поддерживал их» [Gerald Hughes, 2007: 61].

На наш взгляд, подобного рода попытки современных западных исследователей акцентировать внимание на личных отношениях глав государств представляются упрощенными. Вряд ли эмоции имели настолько определяющее значение для политиков такого уровня, чтобы можно было всерьез говорить о «личной» ненависти Н.С. Хрущева и Г. Макмиллана к Германии.

24 февраля Г. Макмиллан получил ответ Д. Эйзенхауэра, уже информированного о содержании выступления Н.С. Хрущева. Президент США, комментируя его речь, назвал ее «более воинственной, чем его прежние предложения». Г. Макмиллан в ответ сообщал, что «атмосфера после выступления Н.С. Хрущева действительно стала прохладной, и вести переговоры стало сложнее»[31]. При этом британский премьер трактовал проявившуюся в выступлении Н.С. Хрущева «воинственность» как следствие их совместного разговора накануне: советский лидер, по мнению Г. Макмиллана, остался разочарованным твердой позицией, которую гость обозначил в начале визита.

Эта переписка свидетельствовала о том, что Г. Макмиллан, несмотря на первоначально негативное отношение президента США к его поездке в СССР, все же пытался заручиться поддержкой Вашингтона. Британский лидер, вероятно, понимал, что смягчение советской позиции автоматически не приведет к разрешению Берлинского кризиса: потребуются дальнейшие дипломатические

[31] Ibid. Document 184. Message From President Eisenhower to Prime Minister Macmillan. Washington, 24 February, 1959. P. 386–387.

усилия для того, чтобы убедить западные страны в необходимости диалога.

25 февраля в Вашингтоне состоялась пресс-конференция президента Д. Эйзенхауэра, на которой ему среди прочих был задан вопрос о том, считает ли он приемлемыми для обсуждения предложения Н.С. Хрущева по германскому вопросу, озвученные советским лидером накануне. Президент ответил, что непримиримость Н.С. Хрущева хорошо известна, и она лишь подчеркнута его последней речью. Как подчеркнул Д. Эйзенхауэр, «единственно логичная для США позиция заключается в том, чтобы ни на один дюйм не отступать в вопросе сохранения и осуществления их прав и обязанностей в отношении Западного Берлина»[32].

На этом фоне непримиримой выглядела не только советская, но и американская позиция. Как представляется, американскими и британскими политиками выступление советского лидера было воспринято с излишней серьезностью. Речь Н.С. Хрущева, во-первых, мало отличалась от его обычной риторики в адрес западных стран, во-вторых, в германском вопросе глава советского правительства не озвучил новых предложений или угроз. Скорее наоборот, его выступление, если отбросить идеологические штампы, свидетельствовало о желании договариваться и обсуждать.

Как сообщал премьер-министр в телеграммах на родину, в беседах 25 и 26 февраля он пытался убедить Н.С. Хрущева в том, что односторонние действия СССР не приведут к решению германского вопроса. Обсуждения в эти дни отличались эмоциональностью. Н.С. Хрущев заявил, что Запад, очевидно, хочет помочь К. Аденауэру ликвидировать ГДР, но предупредил, что в случае силового развития событий «последствия будут очень мрачными, и это будет вина Запада». Г. Макмиллан в свою очередь отреагировал не менее решительно, чем его визави, указав, что западные страны едины в своей решимости поддерживать соблюдение своих прав в Западном Берлине: «...если попытаетесь запугать нас, то получите Третью мировую войну»[33].

26 февраля Н.С. Хрущев, не оступаясь от своей прежней линии и обвинив в отсутствии прогресса в переговорах британскую сторону, все же выждал паузу, во время которой, по замечаниям Г. Макмиллана, он, видимо, размышлял, имеет ли вообще смысл продолжать дискуссии или нет. Премьер-министр уже в более спо-

---

[32] Правда. 1959. 26 февр.

[33] CAB 128-33. C.C. (59). 13th Conclusions. Prime-Minister's Visit to Moscow. 27 February 1959. P. 4. Available at: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-33.pdf (accessed: 10.01.2016).

койном тоне постарался акцентировать внимание на желании западных союзников содействовать мирному урегулированию германского вопроса и других проблем посредством переговоров. Н.С. Хрущев в свою очередь добавил, что если дата 27 мая, обозначенная в ультиматуме 27 ноября 1958 г., неприемлема, то можно выбрать другое время и скорректировать некоторые из выдвинутых предложений. Например, «советское правительство готово гарантировать статус Берлина как свободного города и отправить советские войска в символической численности для соединения с западными войсками для гарантии доступа западных стран в Западный Берлин»[34].

При этом Н.С. Хрущев вновь заявил, что не позволит навязывать Советскому Союзу чужую волю, припомнив бесплодный визит в Москву британских представителей для трехсторонних переговоров в 1939 г. и поражение Лондона в Суэцком кризисе. Разговор вновь принял неприятный оборот. Сославшись на необходимость срочно установить выпавшую зубную пломбу, Н.С. Хрущев отказался сопровождать британскую делегацию в Киев, где он собирался познакомить гостей с дочерью и показать свою «малую родину». Кроме украинской столицы гости должны были побывать и в Ленинграде.

Советский лидер пояснил также, что сопровождать англичан в эти города не смогут по причине внезапных срочных дел и его заместитель А.И. Микоян и министр иностранных дел А.А. Громыко. С членами британской делегации в Киев поехали первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов, советский посол в Великобритании Я.А. Малик и заведующие отделами МИД СССР. Г. Макмиллан впоследствии описывал всю эту ситуацию как «один из самых причудливых дипломатических эпизодов в истории»[35]. В сложившихся обстоятельствах, когда визит оказался на грани срыва, послы США, Франции и ФРГ в Москве рекомендовали Г. Макмиллану «собирать чемоданы и возвращаться в Лондон» [Williams, 2009: 329].

Британский премьер-министр не внял этим советам и остался, решив вести себя так, словно ничего не произошло. Эта стратегия оказалась верной. Г. Макмиллан уже психологически прочувствовал своего визави и понимал, что не все еще потеряно. Возможно, именно тогда у премьер-министра сложилось мнение, озвученное им позднее в мемуарах, о том, что «Хрущев *абсолютный* правитель

[34] Ibid. P. 3–4. Available at: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-33.pdf (accessed: 17.01.2016).

[35] Macmillan H. Op. cit. P. 616–617.

России и полностью контролирует ситуацию. Нелегкий период после смерти Сталина завершился»[36].

Еще до отъезда в Киев и Ленинград Г. Макмиллан получил от Н.С. Хрущева сообщение, которое, по его мнению, соответствовало стилистике «Петра I или другого русского деспота более ранних времен»: в нем говорилось о том, что «я, видимо, буду рад узнать, что он залечил зубы: дантист использовал прекрасную недавно разработанную британскую дрель!» [Horne, 1989: 126–127].

Этот «зубной» эпизод, попавший во все зарубежные газеты, не только «оживил» визит, но и, как покажут события, содействовал улучшению британо-советского диалога, в каком-то смысле став рубежом в общении Г. Макмиллана и Н.С. Хрущева.

Поездки в Киев и Ленинград оказались не менее интенсивными, чем пребывание в Москве. В день прибытия в столицу УССР 26 февраля гости в сопровождении встречавшей делегации посетили постановку Киевского государственного академического театра оперы и балета имени Т.Г. Шевченко «Лесная песня». На следующий день прибывших встречали в колхозе «Коммунист», затем они посетили республиканскую выставку передового опыта в народном хозяйстве УССР. Во второй половине дня гостей познакомили с достопримечательностями города.

28 февраля британская делегация вылетела из Киева в Ленинград. На аэродроме в Северной столице гостей встречали А.И. Микоян, А.А. Громыко, П. Райли и другие официальные лица. Англичане посетили Адмиралтейский завод, побывали в его цехах и проехали на машинах по его огромной территории, осмотрели атомный ледокол «Ленин». Вечером в тот же день Г. Макмиллан и другие члены британской делегации были приглашены на очередную постановку — в Академическом театре оперы и балета имени С.В. Кирова они смотрели балет С. Прокофьева «Каменный цветок».

Эти почти ежедневные посещения различных хореографических постановок показались премьер-министру утомительными и «слишком долгими». Г. Макмиллан, который не был любителем музыки, в дневниках признавался, что предпочел бы вместо этого посетить знаменитый русский цирк, но «какой-то идиот в Форин-офис сказал “балет!”» [Horne, 1989: 123]. В мемуарах же Г. Макмиллан, описывая свои впечатления от визита, дипломатично отмечал, что «все балетные спектакли были превосходны каждый в своем роде»[37].

В тот же день А.А. Громыко встретился со своим британским коллегой и передал ему проект договора о ненападении между Со-

[36] Ibid. P. 617.
[37] Ibid. P. 632.

ветским Союзом и Соединенным Королевством, отметив, что «заключение такого договора не только способствовало бы дальнейшему развитию англо-советских отношений, но и послужило бы делу мира во всем мире». С. Ллойд отреагировал комментарием о том, что «премьер-министр Макмиллан давно допускал возможность заключения такого договора, но в соответственное время и на соответствующих условиях. И в этом все дело»[38]. Такая реакция отражала весьма прохладное отношение к советской идее подписания нового пакта о ненападении. Проект договора о дружбе и ненападении британская делегация увезла с собой, положив его под сукно и не вернувшись к этой идее [Красильников, 1967: 33].

1 марта иностранные гости посетили Ленинградское высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. На набережной Невы у входа в училище по случаю прибытия англичан был выстроен почетный караул и исполнены гимны Великобритании и Советского Союза. Вице-адмирал В.Л. Богденко вручил Г. Макмиллану памятный подарок — морской кортик. Во второй половине дня британские гости посетили Эрмитаж[39].

Во время прогулки по Невскому проспекту премьер-министр пообщался с обычными прохожими. В мемуарах он отмечал: «Какие милые и доброжелательные люди вокруг — я разговаривал со многими — на улице, фабриках и других общественных местах. Некоторые люди, с которыми я беседовал, весьма встревожены проблемами войны и мира. Пропаганда [в СССР. — *Е.Х.*] ужасающая. Каждый в России, кажется, абсолютно серьезно убежден, что американцы и, возможно, британцы, уже решились на “внезапную атаку”»[40].

Намеренно маршрут экскурсии был выстроен таким образом, чтобы члены британской делегации имели возможность понаблюдать за процессом голосования на одном из избирательных участков города. Принимавшей стороне также было важно продемонстрировать, что в СССР действует система свободных выборов — 1 марта граждане избирали депутатов в верховные советы союзных и автономных республик и в местные советы депутатов трудящихся.

Н.С. Хрущев после возвращения гостей в Москву в последний день визита, 2 марта, заявил им о том, что советское правительство согласно скорректировать свои предложения по Берлину. В частности, он подтвердил уже озвученную готовность СССР гарантировать статус Западного Берлина как «вольного города» и

[38] АВП РФ. Ф 69. Оп. 51. П. 185. Д. 15. Л. 2.
[39] Правда. 1959. 2 марта.
[40] Macmillan H. Op. cit. P. 633.

предоставить доступ туда западным войскам [Horne, 1989: 127]. Таким образом, советский лидер после «зубного» инцидента несколько смягчил свою позицию, тем более что визит приближался к концу и в его положительных итогах были заинтересованы обе стороны.

Стоит отметить небезынтересный факт: 26 февраля бывший посол США в Москве и идеолог концепции сдерживания Дж. Кеннан высказал идею о том, что «согласованный вывод всех иностранных войск из Германии является наилучшим решением, к которому должны стремиться Соединенные Штаты»[41]. Еще в 1949 г. американский дипломат подготовил для Госдепартамента США документ, в котором выступал за то, чтобы «немцы, внося определенный вклад в дело обороны Западной Европы», оставались «вне НАТО и не имели собственных вооруженных сил». По его прогнозам, в противном случае решить германский вопрос путем объединения Германии можно будет только в отдаленной перспективе[42]. Дж. Кеннан призывал к переговорам с советским лидером, однако озвученные им идеи шли вразрез с общим настроем администрации республиканцев. Как видно, спустя десятилетие прогнозы Дж. Кеннана полностью оправдались.

Налаживанию контактов, как и прежде, мешало недоверие сторон. Вновь сказались мировоззренческие различия, вставшие в полный рост еще в ходе визита советских лидеров в Лондон весной 1956 г. Советский Союз и западные страны ожидали компромиссов друг от друга, но сами не были готовы идти на реальные уступки. Неслучайно членов британского кабинета, ознакомившихся с донесениями премьер-министра из Москвы, беспокоило складывавшееся впечатление, что Г. Макмиллан будто бы вел обсуждение с советской стороной от имени *всех* западных государств. В этой связи на заседании кабинета было решено дать указания британской прессе при освещении поездки Г. Макмиллана в СССР особо подчеркнуть, что «целью премьер-министра не было проведение *официальных* [курсив наш. — *Е.Х.*] переговоров с советским правительством»[43].

В советской же прессе в основном освещалась «культурная» часть визита. В отношении переговоров стала употребительной

---

[41] Правда. 1959. 27 февр.

[42] Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана / Пер. с англ. М., 2002. С. 353–354.

[43] CAB 128-33. C.C. (59). 13th Conclusions. Prime-Minister's Visit to Moscow. 27 February 1959. P. 4. Available at: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-33.pdf (accessed: 18.01.2016).

фраза о том, что «стороны обсудили вопросы, представляющие взаимный интерес». Подробности обсуждения политических проблем, в отличие от визита советских лидеров в Великобританию в 1956 г., в советской прессе практически не нашли отражения.

В итоговом советско-английском коммюнике содержались общие заявления о стремлении Лондона и Москвы содействовать разоружению и запрещению ядерных испытаний, а также развивать культурные связи. В отношении германского вопроса в коммюнике констатировалось, что стороны «были не в состоянии прийти к соглашению относительно юридических и политических аспектов затронутых проблем», но было зафиксировано, что «различия во взглядах должны устраняться путем переговоров, а не обращения к войне»[44].

Накануне отъезда британской делегации на приеме в Большом Кремлевском дворце в честь премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана Н.С. Хрущев выступил с речью, в которой указал на недостаточность объема торговли между двумя странами[45]. Действительно, торговый оборот между Советским Союзом и Соединенным Королевством в конце 1950-х годов начал увеличиваться, но незначительно. Доля СССР в британской внешней торговле составляла около 1,5%, а доля Великобритании в советской внешней торговле — порядка 2,5%. Сотрудничество двух стран главным образом осуществлялось путем заключения отдельных сделок между внешнеторговыми организациями СССР и британскими фирмами [Трухановский, Капитонова, 1979: 152–153].

Действительно, торговый оборот двух стран в конце 1950-х годов начал увеличиваться, но незначительно. Малоизвестный эпизод: в ходе визита британская сторона затронула такой, казалось бы, уже подзабытый вопрос, как финансовые претензии между Великобританией и СССР, возникшие «в результате присоединения Латвии, Литвы и Эстонии к Советскому Союзу», однако подчеркнула, что «в то же время оставляет в состоянии неопределенности претензии, возникшие в результате Октябрьской революции 1917 г.»[46].

К другим, более существенным, препятствиям к увеличению взаимного товарооборота относилась британская (и в целом западная) политика торговых ограничений и дискриминации в отношении советских товаров. Я.А. Малик еще в начале января 1959 г. поднял этот вопрос в беседе с британским коллегой. П. Райли

[44] Правда. 1959. 4 марта.
[45] Правда. 1959. 3 марта.
[46] АВП РФ. Ф. 69. Оп. 51. П. 185. Д. 15. Л. 12.

«пытался сослаться на якобы значительное сокращение так называемого стратегического списка товаров, то есть списка товаров, запрещенных для вывоза из Англии в Советский Союз»[47]. Я.А. Малик парировал тем, что «в стратегическом списке оставлено около 400 наименований товаров. Более того, в этот список включено свыше 120 новых наименований товаров»[48].

Примечательно, что британский посол в ответ на эти аргументы откровенно «ссылался на то, что Англия-де вынуждена считаться с мнением и позицией своих союзников по НАТО и поэтому вынуждена занимать ту позицию, которую занимают ее партнеры по НАТО по ряду политических вопросов»[49].

Тем не менее по итогам визита Г. Макмиллана 24 мая были подписаны пятилетнее соглашение о товарообороте между СССР и Великобританией и соглашение о кредите[50]. Как следствие, объем торговли увеличился с 230,9 млн руб. в 1959 г. до 307,5 млн руб. в 1964 г. [Рыжиков, 1987: 144].

Главы государств договорились и о расширении взаимодействия в культурной сфере, обмене книгами, газетами, фильмами. Представители Британского совета должны были приехать в Москву для обсуждения программы культурных, образовательных, технических и научных контактов между двумя странами[51].

Наблюдавшееся к концу визита потепление отношений между сторонами внушало премьер-министру Великобритании надежду на продолжение начатого диалога и укрепление роли британской дипломатии в процессах сближения Москвы и Вашингтона. Г. Макмиллан мог записать в свой актив фактический отказ Н.С. Хрущева от ультимативного требования решить германский вопрос до 27 мая и его согласие на проведение совещания министров иностранных дел.

3 марта 1959 г. британская делегация вылетела из Москвы в Лондон.

---

[47] Там же. Д. 18. Л. 3–4.

[48] Там же. Л. 4.

[49] Там же. Л. 6.

[50] Интересно отметить, что 26 февраля на заседании британского кабинета министров отмечалась обеспокоенность «общественного мнения» страны тем, что расширение торговли между Соединенным Королевством и Советским Союзом может привести к увеличению британского импорта советской нефти, в то время как нефтяные компании были не заинтересованы в таком развитии событий, поэтому следовало подумать, считали министры, над формулировками отказа от значительного увеличения объемов торговли. CAB 128-33. C.C. (59). 12th Conclusions. Prime-Minister's Visit to Moscow. 26 February 1959. P. 3. Available at: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-33.pdf (accessed: 16.01.2016).

[51] Macmillan H. Op. cit. P. 631.

* * *

Г. Макмиллан высоко оценивал в мемуарах результаты поездки. Годы спустя он вспоминал свой визит в Москву в 1959 г. как одну из важнейших инициатив страны в послевоенное время, поставившую Великобританию в один ряд с США и СССР. Г. Макмиллан писал: «...несмотря на военное превосходство двух протагонистов, России и США, в плане их ресурсов, населения и вооружения, позиция Британии и ее влияние в мировых делах имели реальное и иногда вполне решающее значение. Правительства Эттли и Бевина, Черчилля и Идена принимали командующую роль. Я пытался следовать их примеру, и ценность недавних инициатив британского правительства была признана, с различной степенью одобрения, как Западным союзом, так и советским правительством после моего возвращения из Москвы в марте 1959 г. Я ощущал, что кое-что было достигнуто. Непосредственная перспектива мирного договора русских с Восточной Германией, создающая прямую угрозу позиции западных стран в Берлине, была отложена»[52].

В этом признании Г. Макмиллан был прав: по большому счету, единственным реальным достижением описанного визита был отказ Н.С. Хрущева от его прежней ультимативной линии. На первом после возвращения в Лондон заседании кабинета 4 марта Г. Макмиллан высказал мысль о том, что в сложившихся условиях, когда позиция Москвы заметно смягчилась, Лондону нужно убедить теперь уже своих союзников в необходимости пойти на уступки советскому правительству. При этом премьер-министр предупредил, что не готов быть новым Н. Чемберленом, а Великобритания не должна попасть в положение, в каком была в Мюнхене в 1938 г.: «...самая худшая вещь для Запада, которая может случиться, это унизительно падать ниц после большого разговора»[53].

Премьер-министр совершил поездки в Париж, Бонн и Вашингтон, ставшие логическим продолжением курса на разрядку при посреднической роли Туманного Альбиона между СССР и США. Г. Макмиллан пытался убедить своих коллег в Западной Европе и Соединенных Штатах в необходимости продолжать поиски дипломатического урегулирования обострившихся отношений с Советским Союзом из-за Второго Берлинского кризиса и других проблем безопасности. Позиция Вашингтона, как выяснилось, оставалась прежней — на уступки Москве не идти. Президент Д. Эйзенхауэр

---

[52] Macmillan H. Pointing the way. 1959–1961. L., 1972. P. 61–62.

[53] CAB 128-33. C.C. (59). 14th Conclusions. Prime-Minister's Visit to Moscow. 4 March 1959. P. 3–4. Available at: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-33.pdf (accessed: 18.01.2016).

дал понять Г. Макмиллану, что не согласится с идеей саммита, пока не будет достигнут прогресс по германскому вопросу на встрече глав внешнеполитических ведомств [Newman, 2007: 83].

Согласие Н.С. Хрущева на проведение такой встречи, которую он мыслил как предварительную на пути к саммиту, казалось, даже разочаровало американского президента. Британский журнал «Экономист» язвительно писал, что «президент Эйзенхауэр, кажется, недоволен тем, что русские согласились договариваться по Германии. Это ирония, что перспектива встречи министров иностранных дел, которую США так долго пытались организовать, обозначилась именно сейчас, когда США остались без главы внешнеполитического ведомства»[54]. Госсекретарь Дж.Ф. Даллес, в течение нескольких лет боровшийся с онкологическим заболеванием, с начала 1959 г. лишь на краткие периоды возвращался к выполнению своих обязанностей. В конце мая он ушел из жизни.

Визит Г. Макмиллана лишний раз продемонстрировал реальное соотношение сил на международной арене. Отсылки британского премьера в его оценке визита к фигурам предшественников должны были подчеркнуть преемственность во взглядах, однако с точки зрения реальных ресурсов Великобритания уже явно не могла «ударить сильнее своих возможностей» [Дилеммы Британии, 2014: 451; Капитонова, Романова, 2016: 13]. Лондон все еще претендовал на глобальную роль в мировой политике, но в действительности не обладал ею. В региональном измерении стране предстояла непростая переоценка курса в отношении европейских дел.

Тем не менее дипломатические усилия Г. Макмиллана, как представляется, все же дали результат в ходе избирательной кампании в парламент. Внешне- и внутриполитическая ситуация в стране благоприятствовала Консервативной партии. На прошедших в середине октября всеобщих выборах тори получили большинство, набрав 49,4% голосов и обеспечив себе 366 мест в парламенте против 258 у лейбористов и 6 мест у либералов[55].

Такие положительные для консерваторов итоги выборов вряд ли следует рассматривать как прямое следствие поездки Г. Макмиллана в Москву, однако она, безусловно, позиционировалась как шаг на пути ослабления конфронтации. Неслучайно внешнеполитическая часть предвыборной программы тори называлась «Политика ради мира» и была выстроена вокруг достигнутых Г. Макмилланом дипломатических договоренностей в сфере безопасности. В программе было зафиксировано, что в результате британской

[54] The Economist. 1959. March 7.
[55] The Economist. 1959. October 17.

политики «великие державы установили более тесные контакты друг с другом на личном и официальном уровнях», а в отношении России «были предприняты шаги к расширению торговли и улучшению контактов...»[56].

В целом же результаты визита главы Великобритании в Москву не разрешали сущностных противоречий между странами. Британо-советские отношения остались на прежней точке доверия, заявленные декларации о расширении торговли и развитии научных и культурных контактов могли служить лишь дополнением к более весомым результатам, которых не наблюдалось. Встреча действительно позволила снизить накал берлинской проблемы, но разрешить ее не могла по определению. В этой связи не вполне понятно, на что именно рассчитывал Г. Макмиллан, если администрация США с самого начала выступала против посреднической роли премьер-министра. Ему не удалось убедить Вашингтон пойти на уступки после смягчения позиции Н.С. Хрущева, что лишний раз доказывало провал попыток действовать «на равных» с США, как задумывал Г. Макмиллан в рамках доктрины взаимозависимости. Неслучайно бывший министр иностранных дел Э. Бевин иронически заметил, что визит премьер-министра в Москву стал «одной из самых масштабных и публичных Одиссей со времен греков, но, увы, Макмиллан так и не привез домой золотое руно» [Horne, 1989: 129].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веттиг Г. Н.С. Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 гг.: политика угроз и возведение Берлинской стены. М.: РОССПЭН, 2007.

2. Громыко Ал.А. Российско-британские отношения во второй половине XX в. // Россия и Британия. Вып. 4. / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 95–98.

3. Дилеммы Британии. Поиск путей развития / Под ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьева. М.: Весь мир, 2014.

4. Долгилевич Р.В. Вопрос о статусе Берлина. 1944–1990 гг. // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 34–53.

5. Капитонова Н.К. Визит Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Великобританию в 1956 г. (по архивам Президента РФ и МИД РФ) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 112–137.

6. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: Учебник. М.: Международные отношения, 2016.

7. Красильников А.Н. СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917–1967 гг. М.: Знание, 1967.

[56] Conservative Party General Election Manifesto 1959. Available at: http://www.conservativemanifesto.com/1959/1959-conservative-manifesto.shtml (accessed: 10.01.2016).

8. Липкин М.А. Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС, 1957–1974 гг. СПб.: Алетейя, 2009.

9. Липкин М.А. «Разрядка» как британская альтернатива «Общему рынку»? (Советский фактор в системе внешнеполитических приоритетов Лондона в начале 1960-х годов) // Всемирная история: Сб. ст. молодых ученых. М., 2002. С. 240–259.

10. Липкин М.А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х годов. М.: ИВИ РАН, 2011.

11. Маклейн Д. Внешняя политика Англии после Суэца. М.: Прогресс, 1972.

12. Пилько А.В. НАТО и Берлинский кризис 1958–1961 гг. // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 82–97.

13. Румянцев В.П. «Новый фронтир» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961–1963 гг.). Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2015.

14. Рыжиков В.А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М.: Международные отношения, 1987.

15. Таубман У. Хрущев / Пер. с англ. М.: Молодая гвардия, 2005.

16. Трухановский В.Г., Капитонова Н.К. Советско-английские отношения, 1945–1978. М.: Международные отношения, 1979.

17. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990 гг.). М.: Наука, 2009.

18. Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы: середина XX в. М.: Наука, 2006.

19. Хахалкина Е.В. Обсуждение британским кабинетом министров «Великого проекта» Г. Макмиллана (январь 1957 г.) // Американские исследования в Сибири. Вып. 8. Томск, 2005. С. 58–63.

20. Хьюз Э. Визит Макмиллана в Советский Союз. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

21. Aldous R. A family ‘affair’: Macmillan and the art of personal diplomacy // Harold Macmillan and Britain’s world role / Ed. by R. Aldous, S. Lee. New York: St. Martin’s Press, 1996. P. 9–37.

22. Ashton N.J. Kennedy, Macmillan, and the Cold War: The irony of interdependence. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.

23. Gerald Hughes R. Britain, Germany, and the Cold War: The search for a European détente. 1949–1967. London, New York: Routledge, 2007.

24. Gibson J.S. The Berlin Wall Crisis of 1961 // The politics of international crises / Ed. by W.G. Andrews. New York: Van Nostrand Reinhold, 1970. P. 122–150.

25. Horne A. Harold Macmillan. Vol. II. 1957–1986. London: Macmillan, 1989.

26. Milward A.S. The rise and fall of a national strategy. 1945–1963. London: Frank Cass Rublishers, 2002.

27. Newman K. Macmillan, Khrushchev, and the Berlin Crisis, 1958–1960. New York: Routledge, 2007.

28. Smyser W.R. Kennedy and the Berlin Wall: ‘A hell of a lot better than war’. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2009.

29. Tratt J. The Macmillan government and Europe. A study in the process of policy development. London: St. Martin's Press, 1996.
30. Thorpe D.R. Supermac: The life of Harold Macmillan. London: Chatto and Windus, 2010.
31. Turner J. Macmillan. Harlow, Essex: Longman, 1994.
32. White B. Britain, détente and changing East-West relations. London, New York: Routledge, 1992.
33. Williams Ch. Harold Macmillan. London: Phoenix, 2009.

E.V. Khakhalkina

TOWARDS EACH OTHER? HAROLD MACMILLAN'S VISIT TO THE SOVIET UNION IN 1959

National Research Tomsk State University
36, Lenin av., Tomsk, 634050

For centuries Great Britain, taking advantage of her insularity, sought to act as an arbiter in conflicts between continental great powers. World War II was a devastating blow to Great Britain's international positions, but British politicians found it hard to accept a new status of an important, but only a secondary actor in a bipolar world. An illustrative example in this regard is a visit of the British prime-minister Harold Macmillan to the USSR in 1959, which was expected to improve Great Britain's international standing and to restore her role, if not of an arbiter, at least of a key mediator, a 'bridge' between superpowers. The paper examines the circumstances, preceding this visit, its programme, the main issues discussed by H. Macmillan and the Soviet leader N.S. Khrushchev during several rounds of talks, their results and consequences. The main purpose of the visit was a search for a peaceful settlement of the Berlin Wall Crisis. And it is appropriate to assess the outcomes of the visit from the perspective of success of the mediatory mission of H. Macmillan. In this respect, the author emphasizes the initial weakness of the negotiating stance of the British prime-minister, who had failed to earn the support from the United States, which predetermined very modest outcomes of his visit to the Soviet Union. On the one hand, H. Macmillan succeeded to a certain extent in moderating N.S. Khrushchev's stance on the issues of the Western Berlin international status, and signed several mutually beneficial trade agreements, strengthening positions of the Conservative Party on the eve of the parliamentary elections. On the other hand, the main objective of the visit was not achieved: H. Macmillan failed to position Great Britain as a mediator in the US-Soviet dialogue. The US government made it clear that Great Britain might be its important, but only junior partner.

Keywords: Great Britain, the Soviet Union, H. Macmillan, N.S. Khrushchev, the German issue, Berlin Wall crisis, Khrushchev's ultimatum, the 'concept of interdependence', Grand Design, Soviet-British relations.

About the author: *Elena V. Khakhalkina* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History, National Research Tomsk State University (e-mail: ekhakhalkina@mail.ru).

REFERENCES

1. Vettig G. 2007. *N.S. Khrushchev i Berlinskii krizis 1958–1963 gg.: politika ugroz i vozvedenie Berlinskoi steny* [N.S. Khrushchev and the Berlin Crisis of 1958–1963: Policy of threats and the construction of the Berlin Wall]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

2. Gromyko Al.A. 2006. Rossiisko-britanskie otnosheniya vo vtoroi polovine XX v. [Russo-British relations in the second half of the 20th century]. In A.B. Davidson (ed.). *Rossiya i Britaniya* [Russia and Great Britain]. Iss. 4. Moscow, IVI RAN Publ., pp. 95–98. (In Russ.)

3. Gromyko Al.A., Anan'eva E.V. (eds.). 2014. *Dilemmy Britanii* [Britain's dilemmas]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

4. Dolgilevich R.V. 2011. Vopros o statuse Berlina. 1944–1990 gg. [The issue of the status of Berlin, 1944–1990]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, pp. 34–53. (In Russ.)

5. Kapitonova N.K. 2010. Vizit N.S. Khrushcheva i N.A. Bulganina v Velikobritaniyu v 1956 g. (po arkhivam Prezidenta RF i MID RF) [Visit of N. Khrushchev and N. Bulganin to Great Britain in 1956 (based on archival materials)]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 6, pp. 112–137. (In Russ.)

6. Kapitonova N.K., Romanova E.V. 2016. *Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii* [History of foreign policy of Great Britain]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

7. Krasil'nikov A.N. 1967. *SSSR i Angliya. Sovetsko-angliiskie otnosheniya v 1917–1967 gg.* [The Soviet Union and Britain. Soviet-British relations, 1917–1967]. Moscow, Znanie Publ. (In Russ.)

8. Lipkin M.A. 2002. 'Razryadka' kak britanskaya al'ternativa 'Obshchemu rynku'? ['Détente' as a British alternative to 'Common Market'?]. *Vsemirnaya istoriya*. Moscow, pp. 240–259. (In Russ.)

9. Lipkin M.A. 2009. *Britaniya v poiskakh Evropy: dolgii put' v EES, 1957–1974 gg.* [Britain in search of Europe: A long road to the European Economic Community, 1957–1974]. St. Petersburg, Aleteiya Publ. (In Russ.)

10. Lipkin M.A. 2011. *Sovetskii Soyuz i evropeiskaya integratsiya: seredina 1940-kh — seredina 1960-kh gg.* [The Soviet Union and the European integration: Mid-1940s — mid-1960s]. Moscow, IVI RAN Publ. (In Russ.)

11. Maklein D. 1972. *Vneshnyaya politika Anglii posle Suetsa* [British foreign policy after Suez]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)

12. Pil'ko A.V. 2012. NATO i Berlinskii krizis 1958–1961 gg. [NATO and the Berlin Wall Crisis, 1958–1961]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1, pp. 82–97. (In Russ.)

13. Rumyantsev V.P. 2015. *'Novyi frontir' administratsii Dzh.F. Kennedi na Blizhnem i Srednem Vostoke (1961–1963 gg.)* [The J.F. Kennedy's administration 'New frontier' in the Middle East (1961–1963)]. Tomsk. (In Russ.)

14. Ryzhikov V.A. 1987. *Sovetsko-angliiskie otnosheniya* [Soviet-British relations]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

15. Taubman U. 2005. *Khrushchev*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.)

16. Trukhanovskii V.G., Kapitonova N.K. 1979. *Sovetsko-angliiskie otnosheniya, 1945–1978* [Soviet-British relations, 1945–1978]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

17. Filitov A.M. 2009. *Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii* (*1941–1990 gg.*) [Germany in the Soviet foreign policy planning (1941–1990)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

18. Fursenko A.A. 2006. *Rossiya i mezhdunarodnye krizisy: seredina XX v.* [Russia and international crises in the middle of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

19. Khakhalkina E.V. 2005. Obsuzhdenie britanskim kabinetom ministrov 'Velikogo proekta' G. Makmillana (yanvar' 1957 g.) [British cabinet's discussions of the H. Macmillan 'Grand design' (January 1957)]. *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri*. Iss. 8. Tomsk, pp. 58–63. (In Russ.)

20. Kh'yuz E. 1959. *Vizit Makmillana v Sovetskii Soyuz* [Macmillan's visit to the Soviet Union]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ. (In Russ.)

21. Aldous R. 1996. A family 'affair': Macmillan and the art of personal diplomacy. In R. Aldous, S. Lee (eds.). *Harold Macmillan and Britain's world role*. New York, St. Martin's Press, pp. 9–37.

22. Ashton N.J. 2002. *Kennedy, Macmillan, and the Cold War: The irony of interdependence*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

23. Gerald Hughes R. 2007. *Britain, Germany, and the Cold War: The search for a European détente. 1949–1967.* London, New York, Routledge.

24. Gibson J.S. 1970. The Berlin Wall Crisis of 1961. In W.G. Andrews (ed.). *The politics of international crises*. New York, Van Nostrand Reinhold, pp. 122–150.

25. Horne A. 1989. *Harold Macmillan*. Vol. II. 1957–1986. London, Macmillan.

26. Milward A.S. 2002. *The rise and fall of a national strategy. 1945–1963.* London, Frank Cass Rublishers.

27. Newman K. 2007. *Macmillan, Khrushchev, and the Berlin Crisis, 1958–1960.* New York, Routledge.

28. Smyser W.R. 2009. *Kennedy and the Berlin Wall: 'A hell of a lot better than war'*. Lanham, Maryland, Rowman & Littlefield.

29. Tratt J. 1996. *The Macmillan government and Europe. A study in the process of policy development*. London, St. Martin's Press.

30. Thorpe D.R. 2010. *Supermac: The life of Harold Macmillan.* London, Chatto and Windus.

31. Turner J. 1994. *Macmillan.* Harlow, Essex, Longman.

32. White B. 1992. *Britain, détente and changing East-West relations*. London, New York, Routledge.

33. Williams Ch. 2009. *Harold Macmillan*. London, Phoenix.